

13.11.95.

Семь дней. - 1995. -
13-19 ноября. - с 27.

СИЛЬНЫЙ ХОД

МЕМОАРЫ

Леонид Марягин - известный кинорежиссер, он поставил фильмы "Вылет задерживается", "Вас ожидает гражданка Никанорова", "Незванный друг", "Враг народа Бухарин", "Троцкий" и другие. Также известен как собиратель неординарных кинематографических историй. С этого номера мы начинаем публикацию новелл из коллекции режиссера.

Урок классика

Лет двадцать пять тому назад я назначил свидание симпатичной мне девушке. Торжественный, с цветами, пришел на место встречи. Ждал двадцать минут, полчаса, сорок минут... Безрезультатно. Бросил с досады цветы в урну, побрел по улице Горького - ныне Тверской - и на углу у ВТО встретил своего старшего друга, классика нашего кино, педагога, писателя, одного из создателей ФЭКСа, трилогии о Максиме и, что немаловажно для меня, большого знатока женщины, Трауберга.

- Леонид Захарович, - обратился я к нему, - скажите, на сколько прилично даме опаздывать на свидание?

- Опаздывать прилично на пятнадцать минут, - моргнул раскосыми глазами Трауберг, - но ждать прилично - только десять.

Сравнились

Звезда экрана пятидесятых годов - "Мексиканец" и "Овод" того еще, первого разлива, Олег Стриженов пришел на день рождения к не менее известному красавцу актеру Владимиру Гусеву. За столом произносились тосты согласно ритуалу и, наконец, черед дошел до Стриженова. Тот поднялся и произнес:

- Я хочу выпить стоя за моего талантливого друга!

- Нет, - возразил Гусев, - я не могу сидеть, когда стоит великий Стриженов!

И встал.

- Нет, - в свою очередь не согласился Стриженов, - я не могу быть вровень с Володей, я должен быть ниже!

И стал на колени.

Теперь настала пора Гусева.

- Я не имею права возвышаться над Олегом!

И тоже стал на колени.

Но Стриженов настаивал:

- Я должен быть ниже тебя!

И лег на пол.

- В таком случае я буду рядом с тобой, Олег! - Гусев лег возле Стриженова.

Пили лежа.

Профессия "худрук"

Один из моих американских продюсеров по фильму "Враг народа Бухарин" Франц Бадер перед нашей поездкой на съемки в Голливуд на студию "Уорнер Бразерс" должен был в Москве утвердить список лиц, нужных для дела там, в Америке. Я с трепетом ждал этого часа. Еще бы, каждый член группы надеялся на это прибыльное (платят долларами) и познавательное путешествие в "кинематографическую Мекку". Любой отказ - драма, глубокая обид на меня, выяснение отношений и еще куча неприятностей, которые будут всплывать по ходу работы, невзвешенно откуда взявшись.

Час настал. Я оглашал кандидатов на поездку.

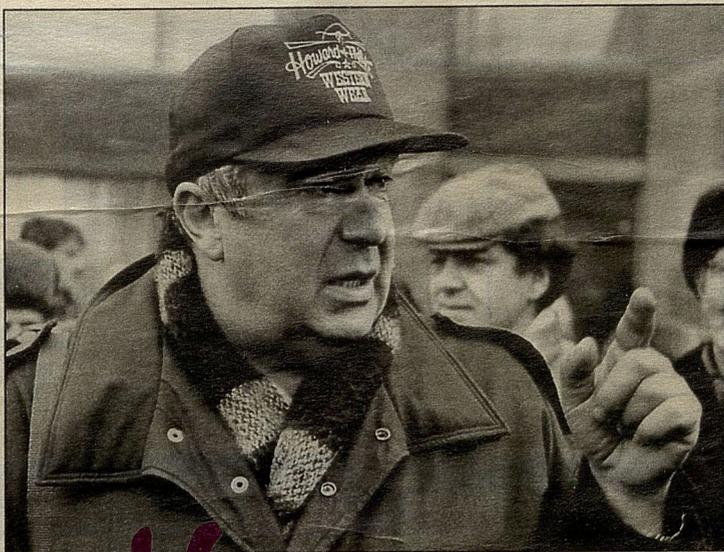
- Автор сценария Виктор Демин...

Целесообразность Витиной поездки не вызвала сомнений продюсера.

- Может быть, придется поправить какие-то сцены на ходу, - согласился он.

- Режиссер-постановщик...

Продюсер счел обсуждение моей кандидатуры пу-

ИСТОРИЯ КИНО ОТ ЛЕОНИДА МАРЯГИНА

стой тратой времени и махнул рукой:

- Дальше...

Я робко спросил:

- Нельзя ли взять в Лос-Анджелес мою супругу?..

- Режиссер, - поучительно заявил Бадер, - может брать с собой свою супругу, чужую супругу, свою девочку, своего мальчика. Мне все равно. Я оглачу.

- Почему? - удивился я щедрости американца, до этого считавшего каждый цент.

- Мне выгодно, чтобы режиссер чувствовал себя комфортно, а не бегал по ночным клубам Голливуда. Быстрее будешь работать.

Дальше в списке шли: оператор, художник, гример, костюмер... Все они и механики съемочной аппаратуры, и ассистенты оператора, и даже помреж, - не вызвали возражений.

Я зачитал последнюю строчку списка:

- Худрук Владимир Наумов.

- Что такое "худрук"? - спросил продюсер.

Я попытался объяснить:

- Это человек, который объясняет, как нужно снимать, как трактовать сцену, как собрать, смонтировать фильм...

Бадер перебил меня:

- Если ты сам этого не умеешь, я вызову другого режиссера, - и вычеркнул Наумова из списка.

Наумов поехал в Голливуд, но уже в качестве актера эпизода, который показался продюсеру нужнее худрука.

Сотворение песни

Песню "Ромашки спрятались, поникли лютики" пели все. Впервые она прозвучала в картине "Моя улица", затем "перешагнула" экран, проникла в домашние застолья, на улицы, в рестораны, на эстраду. А вот как она дошла до экрана - стоит рассказать.

Задумав фильм "Моя улица", я решил сделать передышку в сотрудничестве с композитором Френкелем. Почему? Френкель - превосходный мелодист, а мне хотелось положить в основу киномузыки уже бывавшую в

тридцатые годы мелодию и драматургически разработать ее. Неудобно же просить Френкеля искать в архивах старую тему и превращать его в обработчика. Решил обратиться к молодому композитору Евгению Птичкину.

- Что же все-таки искать в архивах? - уточнил Птичкин.

- Ищи песню "из подворотни".

- Понял, - сказал он и пошел искать. А я пошел снимать картину.

Подошла пора, когда Сазонова на вечеринке должна петь песню. Птичкин молчит. Звоню ему:

- Где песня?

- Ищу в архивах - все плохие попадаются. Можно, я сам напишу?

Ну, думаю, попал в переплет: если бы мне была нужна оригинальная песня, я сокрудничал бы с Френкелем. Представляете, не пригласил его работать, а теперь заказываю песню никому не известному

Птичкину. Но - делать нечего - до съемки четыре дня. Говорю:

- Пиши, Женя.

- Какой размер? - спрашивает.

- Примитивный.

- Кто напишет слова?

- Игорь Шаферан.

- Почему он? - спрашивает Птичкин.

- Он мой друг, я его знаю, он пишет тексты песен быстрее, чем ты брешьсья.

Шаферан живо откликнулся:

- О чем писать?

- О чем может быть песня из подворотни? Он ее любит, она его - нет. Или наоборот. Тогда еще не писали философских песен.

- Понял, - кивнул короткостриженной головой поэт и на завтра принес текст. Я прочитал и вынужден был сказать:

- Это слишком хорошо для песни из подворотни. Это ты отдай Фрадичку, а нам давай хуже.

На следующий день - новый текст. И опять слишком хорош для картины - поэзией отдает.

- Это ты отдай Фельдману. Нам нужно еще хуже!

Шаферан вытерпел мою тираду.

Читаю еще один текст. Уже много хуже, но тем не менее недостаточно плохо.

- Это ты отдай Флярковскому, - говорю, - а для нас постарайся похуже!

- Хорошо, - стиснув зубы, соглашается Шаферан, - принесу новый, но если не подойдет - заказывай стихи другому.

И к вечеру показал листочек со словами. Я ахнул:

- Вот это то, что надо! Хуже - не бывает!

Это и были "Ромашки спрятались, поникли лютики..."

Передали слова Птичкину, он через пару часов позвонил мне и пропел по телефону готовую песню. Она мне понравилась: для картины как шар в лузу. Еду на съемку и думаю: "А где я эту песню раньше слышал?" И вспомнил - в моей орехово-зுவеской молодости ее пели на такие слова:

Цыганка с картами всю ночь гадала мне -

Дорога дальняя, казенный дом,

А может старая тюрьма центральная... и тд.

Приехал на студию, звоню Птичкину, рассказываю о своем открытии, а он мне самоуверенно отвечает:

- Леня, просто ты мою прекрасную мелодию поешь на пошлые слова...

Так песня, придя из народа, вернулась к народу с подписью композитора Птичкина.

Я рассказал эту историю Утесову. Он заметил: "Леня, я знал случаи и похуже".

На 1-й стр.: Автор мемуаров на приеме в Голливуде.

Марягин Леонид